

Черная кровь

Здравствуйтесь. Позвольте мне не представляться. Я не люблю свое имя. Если бы меня звали как-нибудь по-другому, я ненавидал бы и этот вариант.

Когда у меня резался первый зуб, я укусил свою мать. До крови. Наверное, тогда я понял, что привлекает меня больше всего на свете.

В четыре года я упал и разбил коленку. Так сильно, что кровь ручьем лилась по ноге. Я пытался зажать ее ладонью, но лишь испачкал руку. Бездумно я поднес ладонь к лицу и слизал всю кровь. Всю, без остатка. Вечером меня рвало, да так, что родителям пришлось вызывать «скорую».

Мне было десять, когда мать отчитывала меня за плохие оценки. Я стоял, опустив голову, а она ходила туда-сюда по кухне. Время от времени за ее спиной мелькал нож, воткнутый в разделочную доску. Мои глаза все время возвращались к нему, стоило лезвию оказаться в поле зрения. Как же мне хотелось схватить его и воткнуть в живот этой орущей стерве!

Мне было пятнадцать, когда я решил перерезать себе вены. Это было больно, очень больно, я так орал от боли, что слышали соседи. Именно поэтому меня удалось спасти. Тогда я решил, что самому испытывать боль, чтобы посмотреть на кровь, слишком мучительно.

Мне было восемнадцать. Я возвращался поздно вечером с курсов. Передо мной возник темный силуэт, дышащее перегаром тело потребовало кошелек. Но я угостил его лезвием. Кровь закапала на снег, черная, а не красная, как я ожидал. Но это меня еще больше завело. Меня хватило на четыре ранения, потом я решил, что неплохо бы скрыться отсюда подобра-поздорову.

Мне было двадцать. Я специально шатался по улицам, чтобы посмотреть на кровь. Случайные драки я приветствовал, как болельщик приветствует любимую команду. Провоцировал противников, а когда мои товарищи ввязывались в драку, я с упоением тарасился на капли, падающие на асфальт. Иногда они были черными, иногда – красными. Я просил остановиться, если видел красный цвет. Извинялся и уводил приятелей, недовольных тем, что не дал им размяться. Но если кровь случайно оказывалась на моих руках, я заворачивал ладони в платок и шел так до самого дома. Там, запершись в комнате, я долго рассматривал кровавые пятна на своей коже. Это было так чудесно – видеть их, но не чувствовать боли.

Мне двадцать три. Я обожаю смотреть, как кровь из вашего тела брызгает на мою кожу, как оставляет на ней черные пятна. Но вы думаете, что на самом деле они красные, как закат. Вы ошибаетесь.

Видите этот нож? Я надрежу вашу кожу. Сейчас... как только закончу рассказ. Посмотрю на выступившую кровь. Если она окажется красной – я вас отпущу. Однако если она будет черной... Это значит, что внутри вас живут паразиты. Черви, выпускающие яд в вашу кровь, заставляющие ее чернеть. Избавиться от них невозможно. Единственный способ – выпустить всю кровь из организма. Но тогда вы умрете, простите.

Что? Вы говорите, что здоровы? Никаких паразитов? Откуда вам знать? Вы когда-нибудь резали себя, чтобы это проверить? Вот и не говорите, что знаете об этом больше меня!

Сидите смирно. Это лишь маленький надрез.

Что я вам говорил? Сплошная чернота. И не кричите так – вы знали об этом и пытались меня обмануть. Вы утверждаете, что ваша кровь нормальна, я же говорю вам – нет! Паразиты уже лезут из ваших глаз, шевелят вашим языком, заставляя вас произносить всю эту чушь.

Простите, но я не могу оставить вас в живых. Вы заразите других своей черной кровью. А мне нравится лишь красная. Только на нее я могу смотреть. Черная же пробуждает во мне

ярость.

Не кричите, вы все прекрасно понимаете. Я не дам вам вырваться из моего плена. Просите, умоляйте, угрожайте – мне все равно. Я не могу позволить вам уйти. Я убью вас.

Но перед этим сполна смогу насладиться брызгами черной крови и вашими криками.

Время на смерть

Элвин выплюнул кровь на пол, покрытый светлым ковром.

- Ну вот, – расстроено произнес Аменаза. – Теперь никаким средством ее не выведешь. Зачем ты так, а?

Поскольку ответа не последовало, он ударил снова. На этот раз заехал в ухо.

На мгновение в голове Элвина вспыхнула яркая звезда, и он перестал что-либо слышать. Потом звуки снова появились, медленно, нехотя, словно он выныривал из воды.

- ...мне нравишься, – услышал он. Аменаза стоял перед ним и улыбался.

Внешности этого красавца мог позавидовать кто угодно. Ямочки на щеках сражали наповал любую женщину. Красивые глаза, карие с зелеными искрами, смотрели насмешливо. Расшитый золотом черный халат, бокал красного вина в руке – все в облике Аменазы говорило: «Я – богат, а ты – никто. Я – успешен, а ты – неудачник. И тебе лучше держаться от меня подальше». Элвин не сомневался, что женским вниманием этот ублюдок не был обделен. Перед этим мерзавцем не устояла даже его жена.

- Прок... – кровь хлынула в горло, и он закашлялся. – Проклятая... шлюха.

- Ты о Джоанне? – Аменаза склонил голову набок. Длинные черные волосы упали на лицо. – Не вини ее. Будь ты женщиной, вряд ли смог бы противиться моим чарам. Разумеется, тогда ты не оказался бы здесь. Мы с тобой развлекались бы в соседней комнате, – он рассмеялся.

Элвин молчал.

- Зачем ты пришел сюда, Элвин? Чего надеялся добиться?

Элвин сжал кулаки, и скотч больно врезался в запястья. Он и сам слабо понимал, что его вытащило из дома. Джоанна? Они с женой и так находились на грани развода, и ее измена была лишь подспорьем. Элвину было бы не так обидно, если бы стерва его просто бросила. Но нет, она устроила целый цирк с изменой, громким признанием и скандалом. Вопила так громко, будто это Элвин изменил ей с элитной шлюхой.

Отвесив ей пощечину, Элвин отправился к Аменазе. Имя этого сердцееда было хорошо известно, но Элвин сам не знал, что его потащило в особняк к этому типу. Возможно, уязвленная гордость и слепая ярость сделали свое дело. Аменаза любезно принял его, даже предлагал выпить... Но теперь Элвин сидел, привязанный к креслу, и сносил оплеухи от красавчика, который спал с его женой.

- Ты сам не знаешь, чего хочешь, – констатировал Аменаза. – Убить тебя, что ли?

До этого момента Элвин держался. Когда охранники сбивали его с ног, он ругался и пытался отбиваться, прекрасно понимая, что ничем хорошим это не кончится. Тем не менее, до этого момента еще оставалась надежда, что его отпустят, пусть хорошенько поколотив. Поэтому и храбрился, не веря, что с ним сделают что-то серьезное. Но после слов Аменазы какой-то стержень внутри него сломался.

- Пожалуйста, – пискнул он. – Не надо, пожалуйста.

- Куда же делась твоя бравада? – мурлыкнул Аменаза. – Не ты ли разыгрывал передо мной героя? Зря старался – страх я чувю за километр. Когда ты только вошел в мой дом, я почувствовал волны страха, исходящие от тебя. Я знал, что ты боишься меня, но решил дать тебе шанс преодолеть себя, – он сокрушенно покачал головой. – К сожалению, проверку ты не прошел.

Элвин не мог шелохнуться от сковавшего его ужаса. Даже если бы лодыжки и запястья не опутывал скотч, он не смог бы убежать. В комнате стало так тихо, что Элвин услышал тиканье больших настенных часов.

Внезапно лицо Аменазы осветилось улыбкой. Элвин против воли тоже начал улыбаться,

хотя скулы отозвались на это резкой болью, а ухо заложило. На мгновение ему показалось, что все это лишь шутка, что сейчас Аменаза возьмет нож и разрежет скотч... Но лишь на мгновение.

Улыбка Аменазы перешла в хохот.

- У тебя такие глаза, когда ты пугаешься, – отсмеявшись произнес он. – До чего же я обожаю страх, застывающий в глазах. Хотя нет, даже не его. Скорее, дохлую надежду. Ее последние конвульсии, когда она уже мертва, но еще содрогается. Посмотри-ка мне в глаза.

Элвин упрямо продолжал таращиться в пол. Аменаза сжал его подбородок и вздернул вверх.

- Да. Об этом я и говорил, – он поворачивал голову Элвина, словно выбирая подарок. – Тающая надежда. Ты чертовски предсказуем, – он с отвращением вытер руку о халат.

- Отпустите меня, – пропищал Элвин. – Клянусь, я никому ничего не скажу...

- Разумеется, не скажешь, – Аменаза сделал глоток из бокала. – Ведь я тебя убью.

Ужас поглотил сознание Элвина. Еще чуть-чуть, и он начнет в панике орать, умоляя мучителя освободить его. Он не собирался умирать. Он не хочет умирать! Не здесь и не сейчас! Не из-за этой стервы!

- Хотя, – молвил Аменаза, и Элвин напрягся. В одном этом слове было столько надежды! – Ответь мне на один вопрос. Ты боишься темноты?

Элвин снова разочарованно осел в кресле, к которому был привязан.

- Боюсь ли я... темноты? – повторил он.

- Именно.

- При чем тут темнота?

- Здесь вопросы задаю я. Или ты забыл, в чей дом вломился?

- Я не вламывался! – голос дрожал. Элвин чувствовал, что из глаз вот-вот потекут слезы.

- Это уже никого не интересует, – Аменаза уселся в кресло напротив, закинув ногу на ногу. – Ответь, ты боишься темноты?

Слезы подступили к горлу, и Элвин с трудом сдержал их.

- Нет, – хрипло ответил он. – Не боюсь.

- Ты ведь врешь мне, – Аменаза внимательно смотрел на него. – Врешь и не краснеешь.

- Я не вру, – сердито отозвался Элвин.

- Тогда, разумеется, ты согласишься сыграть со мной в одну игру.

- Какую игру?

- О, тебя еще интересуют правила? – усмехнулся Аменаза. – Разумеется. Я выключу свет. Мы останемся одни. Эти молодцы, – он кивнул на маячивших возле двери охранников, – уйдут. Высидишь пару часов в моем обществе и не закричишь – уйдешь отсюда на своих двоих. Если издашь звук, хотя бы отдаленно напоминающий крик – тебя вынесут ногами вперед. Ну что, договорились?

- Вы псих? – если бы мог, Элвин покрутил бы пальцем у виска.

- В твоем положении я бы поостерегся кидаться такими словами. Итак, ты согласен? Если ответишь отрицательно, я просто прикажу пристрелить тебя, и дело с концом. А так у тебя появится хотя бы шанс на выживание.

Как ни крути, этот сумасшедший говорил верные вещи. Иного выхода у Элвина просто не оставалось. Он кивнул.

Лицо Аменазы осветилось его фирменной улыбкой.

- Отлично! Господа, попрошу вас удалиться, – кивнул он охране. Те безмолвно вышли, закрыв за собой дверь. Аменаза же взял пульт и опустил жалюзи на окнах. Затем с этого же пульта выключил освещение.

Комната погрузилась во тьму. Кромешную тьму. Элвин таращился во мрак, ожидая, что

глаза скоро привыкнут, однако ничего подобного не происходило.

Аменаза хранил молчание. Элвин не слышал его. Ни дыхания, ни случайного движения – ничего. Только часы издевательски тикали на стене.

- Сейчас двадцать два ноль три, – громом прозвучал в темноте голос Аменазы. От неожиданности Элвин едва сдержал крик. – Ровно в полночь я тебя отпущу. Если, конечно, ты выдержишь мое общество, – он хихикнул.

И снова – тишина. Элвин не слышал ничего, кроме тиканья этих проклятых часов. Ему бы показалось, что он просто оглох, если бы не часы. Они давили на сознание своим мерзким тиканьем, раздражали, заставляя считать каждую секунду, проведенную здесь. Против своей воли Элвин отсчитывал минуты. И, черт возьми, у него никак не получалось сбиться! Он был бы рад переключиться на что-то другое, но больше не было ничего. Лишь тишина и негромкое непрекращающееся «тик-так».

- Ты можешь разговаривать, – сказал Аменаза, и Элвин снова чуть не вскрикнул. Вот хитрец. Пытается заставить его закричать таким способом. Ну уж нет.

- Зачем мне с вами говорить?

- Тебе, должно быть, невероятно скучно.

- Что вы. Ваше общество – самое приятное, что может быть.

- А ты снова осмелел. Неужели шанс на спасение, пусть и ничтожный, способен так поднять дух?

- Скольких вы убили?

- А зачем тебе это знать?

- Мне просто интересно.

- Достаточно, чтобы трюк с темной комнатой сработал. А теперь помолчи.

- С чего это?

- Ты зарываешься, – в голосе Аменазы прозвучал металл. – Если я приказываю тебе молчать – ты должен молчать. Иначе я объявлю тебя проигравшим.

Элвин замолчал. В самом деле, правила устанавливал не он. До этого момента он и разговаривать-то боялся, опасаясь, как бы Аменаза не принял слова за крик.

- Ты знаешь, что еще никому не удалось обыграть меня? – спросил Аменаза. – Не отвечай. Тебе это знать неоткуда.

И снова тишина обрушилась на Элвина. Лишь мерзкое тиканье часов нарушало ее.

Прошло около получаса. Нет, двадцать восемь минут, сорок две секунды. Элвин с точностью мог определить время. Эти проклятые часы не давали ему забыть о времени.

Тик-так.

Тик-так.

Тик-так.

Тик-так.

Почему Аменаза молчит? Снова хочет усыпить его бдительность, а потом неожиданно наброситься из темноты, заставив закричать? Именно такой тактики придерживался бы Элвин, будь он на месте хозяина особняка. Но кроме тиканья Элвин не слышал ничего. Если бы Аменаза решил подойти к нему, он услышал бы шелест халата. Или стук бокала о стол. Но уши, казалось, заложило ватой. Ничего, кроме тиканья, не прорывалось сквозь нее.

Тик-так.

Тик-так.

Секунды сыпались на него, словно из рога изобилия, и каждая следующая была тяжелее предыдущей. Ударяли по голове и скатывались вниз. Падая на пол, они издавали легкое «дзинь», которое отпечатывалось в мозгу Элвина, оставляя колотые раны.

Пятьдесят минут, двадцать одна секунда.

Тик-так.

Тик-так.

Тик-так.

Зачесался затылок. Секунды, казалось, добрались до него и теперь вовсю шелестели под волосами. Элвину хотелось почесать голову, чтобы изгнать этот противный зуд, но запястья были по-прежнему приоткрыты к ручкам кресла.

Тик-так.

Тик-так.

Где же Аменаза? Он должен сидеть напротив, но в такой темноте Элвин даже силуэты различить не мог. Позвать его не представлялось возможным – этот псих еще, чего доброго, примет его шепот за крик. Один час, девять минут и тридцать пять секунд.

Тик-так.

Тик-так.

Тик-так.

Тик-так.

От затылка зуд распространился дальше. Теперь зудело все тело, но даже если бы руки были свободны, Элвин не смог бы остановить эту невыносимую чесотку. Зудело под кожей, зудели все нервные окончания. Зудел мозг. Хотелось вырвать глаза и добраться до него, чтобы прекратить эту пытку.

Тик.

- Прекрати! – завопил Элвин. – Перестань, я больше этого не вынесу! Прекрати!!

Тут же зажегся свет.

- Жаль, – Аменаза сделал глоток из бокала. – Ты проиграл.

В голове все еще шли секунды, и Элвин не сразу понял, что сказал ему Аменаза. Часы все еще продолжали тикать, но уже намного тише.

- Кто бы мог подумать. – Аменаза поднялся и шагнул к нему. – Время убивает все живые существа. Оно – самое могущественное оружие, пусть и невероятно медленное. Однако тебя оно убило всего лишь за один час, семнадцать минут и сорок три секунды.

- Нет, – прохрипел Элвин, вжимаясь в кресло. – Нет, я... Я не хотел...

- Ты сам согласился на эту игру. И проиграл. Извини, все честно.

- Нет, не надо! – закричал Элвин. – Пожалуйста! Простите меня! Я не хотел сюда приходить!

- Но пришел. За все надо платить, Элвин. За все надо платить, – Аменаза улыбнулся.

- Вы псих! – завопил Элвин. – Вы совершеннейший псих!

- Если небольшие увлечения зовутся психическим расстройством, то да – я псих, – серьезно сказал Аменаза. – Но тебя это уже не должно волновать.

- Как... – голос дрожал так сильно, что Элвин с трудом выговаривал слова. – Как вы меня убьете?

Безумная улыбка снова осветила лицо Аменазы.

- Медленно.

Он вышел из комнаты. Сразу же после того, как дверь захлопнулась, выключился свет.

В наступившей тишине отчетливо разнесся звук.

Тик-так.

Слуга

- Ты выполнишь все, что я прикажу.
- Да, хозяин.
- Беспрекословно.
- Да, хозяин. Все, что ни пожелаете.
- Ты готов ради меня на все, не так ли?
- Да, хозяин.
- А если я прикажу тебе спрыгнуть с крыши?
- Я прыгну, хозяин.
- Тебя не пугает смерть?
- Во имя вас, хозяин, нет, не пугает.
- А если я прикажу не называть меня больше хозяином, ты подчинишься?
- Вам стоит только приказать, хозяин.
- Хорошо. Приказываю больше не называть меня так.
- Да, разумеется.
- Ты хотел бы стать мной?
- Нет.
- Ты лжешь?
- Да.
- Как ты смотришь на то, чтобы поменяться местами?
- Все зависит от вас.
- Опять ты про приказы... Хорошо. Как ты будешь себя вести, если мы поменяемся?
- Наверное, как вы.
- Хитрый! Как я... Это было бы любопытно.
- Как скажете.
- Приказать тебе, что ли?.. Интересно, что из этого выйдет.
- Как скажете.
- Ну что ты заладил? Как скажете... Приказываю тебе вести себя, как мой хозяин.
- Слушаюсь.
- Нет, теперь я тебя слушаюсь. Что прикажете?
- В таком случае, вы не могли бы называть меня хозяином?
- Вы приказываете, я повинуюсь.
- Приказываю называть меня не иначе как хозяином.
- Слушаюсь, хозяин.
- Принеси мне чашечку чая. С двумя кусочками сахара.
- Слушаюсь, хозяин.
- Молодец. А теперь садись рядом. Прямо на пол.
- Да.
- Да – что?
- Да, хозяин.
- Чай очень хорош. Ты просто умница.
- Спасибо, хозяин.
- Тебе нравится служить мне?
- Разумеется, хозяин.
- Ты всего лишь подлизываешься. Я прав?

- Да, хозяин.
- Фу, какой ты скучный. Кувыркнись-ка через голову.
- Но я...
- Ты смеешь послушаться меня?
- Нет, хозяин.
- Ха-ха! Замечательно. Из тебя вышел бы неплохой артист цирка.
- Если вы так считаете, хозяин.
- А теперь залезь-ка на стол. Хочу посмотреть, как ты умеешь танцевать.
- Но стол очень шаткий...
- Гр-р-р.
- Понял, хозяин.
- Танцуй.
- А-а-а!
- Какой ты неуклюжий! Нечего было столько есть – ты слишком тяжелый для этого стола.

Неудивительно, что он развалился под тобой. И хватит ныть – это всего лишь сломанная нога.

- Д-да, хозяин.
- Так, что же ты еще умеешь...
- Хозяин?
- Что у тебя?
- Не хотите ли вы отдать мне приказ...
- Разумеется! Я много чего хочу.
- Приказ об обратном превращении...
- Хочешь обратно свое место?
- Да, хозяин.
- Какой же ты наивный. Думал, что я соглашусь? Нет.
- Но, хозяин...
- Молчать, слуга. Наложу шину на ногу и возвращайся. Нам еще много чего нужно сделать.
- Да, хозяин.
- Как быстро ты обернулся! Ты принес нож?
- Нет, хозяин. Вы мне не приказывали.
- Приказываю тебе принести нож. Самый острый, какой сможешь найти.
- Да, хозяин.
- Отлично. Теперь вытяни левую руку вперед.
- Ай!
- Какая красота. Ты только посмотри! Главное – не замарать твой костюм. Именно поэтому я и приказал тебе вытянуть руку.
- Д-да... хозяин.
- Не скули. Это лишь царапина. Посмотри-ка, ты запачкал кровью ковер. Нужно это немедленно убрать.
- Сию минуту, хозяин.
- Дай мне свою руку.
- Снова? Хозяин...
- Не перечь!
- Слушаюсь... Ай!
- Кровь... Какая она у тебя интересная.
- Да, хозяин. Ай!
- Я люблю смотреть, как она течет. Но она так быстро засыхает, что я практически ничего

не успеваю увидеть. Давай-ка еще одну...

- Ай! Хозяин, перестаньте!

- С чего это? Ты мой слуга, и я делаю, что хочу.

- Н-но... это слишком...

- Ты не имеешь права голоса. Я буду делать, что посчитаю нужным. Расстегни рубашку.

Только смотри, не заляпай ее кровью.

- С-слушаюсь.

- Никак не могу решить – то ли просто порезать тебя, то ли изобразить свои инициалы? Не подскажешь?

- Н-не знаю, х-хозяин...

- Ты должен знать. В конце концов, это твое тело я собираюсь использовать, как мольберт.

- Просто порезать... хозяин.

- Отлично. Не возражаешь, если я сделаю крестообразный надрез?

- Д... Н-нет.

- Какая у тебя кровь... Так и хочется ее попробовать... Ты не хочешь?

- Нет, хозяин.

- Странно... А, в любом случае, мне все равно. Одевайся.

- Да, хозяин.

- И не забудь выстирать одежду. Несмотря на мой приказ, ты все-таки умудрился заляпать ее.

- Слушаюсь, хозяин.

- Завтра мы продолжим. И не вздумай увилить!

- Да, хозяин.

Горничная

Джейн закрыла за собой дверь и поставила ведро в угол. Тряпки и швабра отправились туда же.

Номер состоял из трех больших комнат и вместительной ванной. Джейн ненавидела прибираться в таких номерах, уж слишком много работы. Обычно ей удавалось отвертеться, но не в этот раз. Старая карга пригрозила, что нажалуется на нее, если Джейн сию же минуту не отправится на пятый этаж.

Но и здесь она нашла для себя огромный плюс.

Высунувшись в коридор и убедившись, что одна на этаже, она коварно улыбнулась и, пройдя в спальню, открыла шкаф.

Несколько платьев. Шикарное пальто. Три брючных костюма. Целая батарея разнообразной обуви. Сердце сладко замерло, когда Джейн протянула руку и коснулась шелкового платья.

Она перебирала одежду, наслаждаясь ощущением мягкости под пальцами. Гладила кашемировое пальто. Поправляла на плечиках черное вечернее платье.

Затем, схватив все вещи в охапку, бросила их на кровать.

Она восхищенно замерла над грудой разноцветных тряпок. Какое многообразие! Работая простой горничной, она никогда и мечтать о таком не могла. А эта разряженная фифа только и делает, что меняет наряды, хотя приехала всего на неделю. На завтрак – в том, на ужин – в этом, на прогулку – в третьем... Джейн просто бесила подобная расточительность. Конечно, вряд ли эта Лейн стирает все сама – слишком уж дорогой у нее маникюр.

Джейн склонилась над кроватью и принялась рыться в вещах, нимало не смущаясь того, что они могут помяться. Наконец она выбрала строгое белое платье без рукавов и светлый жакет. Затем скинула с себя опостылевшую светло-синюю униформу.

Взглянув в зеркало, она восхищенно ахнула: платье пришлось как раз впору. Жакет сидел великолепно. Оставалось только подобрать туфли.

Нужные нашлись без труда – хозяйка тщательно следила за своим гардеробом. Это внушило Джейн еще больше отвращения к богатенькой особе.

- Надменная чистоплюйка, – усмехнулась Джейн, засовывая ноги в туфли-лодочки на низком каблуке.

Немного маловаты, но это ничего. Со стороны незаметно.

- Надо же, какая я леди! – расхохоталась она, глядя на свое отражение. – Да я бы сошла за жену какого-нибудь лорда!

Оставалось дополнить образ украшениями.

Но к величайшему сожалению Джейн, все драгоценности эта надменная корова прятала в сейфе. Порывшись в шкатулке на туалетном столике, Джейн наконец выудила оттуда черные бусы.

- А, сойдет, – махнула она рукой. Затем напялила бусы на свою тощую шею. – Ай, какая красотища! Увидел бы меня какой-нибудь богач...

И тут, словно в ответ на ее просьбу, входная дверь отворилась.

Однако на пороге возник не высокий красавец с белоснежной улыбкой. Отнюдь.

- Что это такое? – ошеломленно выдохнула красивая дама, снимавшая номер. – Почему все мои вещи... а вы еще кто?

Она наконец заметила старавшуюся вжаться в стену горничную.

- Что это такое? – она повысила голос. – Я вас спрашиваю!

- Это... Я... Э... – только и смогла выдавить из себя Джейн.

- Я немедленно звоню администратору! – Лейн разъяренной фурией вылетела из спальни и бросилась к столику, на котором покоился телефон. – Просто безобразие!

- Нет, нет, пожалуйста, мисс Лейн! – Джейн опростетью бросилась вслед за ней. – Не надо никому звонить! Я... я все верну на место! Выстираю... Выглажу...

- Да что вы себе позволяете? – взвизгнула Лейн. Светлые волосы растрепались, голубые глаза сверкали. – В этом отеле отвратительное обслуживание, так еще и прислуга примеряет чужие вещи!

Джейн выхватила трубку у нее из рук.

- Прошу вас, меня же уволят!

- И поделом! Вы еще и надели мои бусы!

Схватившись за нитку, красавица дернула на себя. Бусины покатались по полу, что еще больше ее разъярило.

- Что же это творится! – заорала она, бегая туда-сюда по комнате. – Вы мне в подметки не годитесь и позволяете себе такие вольности! Вы хоть имеете представление о стоимости этих вещей?

- Я все оплачу... – прошептала Джейн.

- Оплатите? Ха! Да вашего нищенского жалованья не хватит даже на нитку этих паршивых бус!

- Прошу вас, – губы Джейн задрожали. – Все, что угодно, только не жалуйтесь на меня.

Мисс Лейн фыркнула и замолчала. Потом вперила внимательный взгляд в Джейн.

- Как вас зовут?

- Д-джейн.

- Джейн. Хорошо. Вы просите не жаловаться на вас, так?

Джейн молчала.

- Отвечайте мне!

- Д-да. Я очень прошу.

- А что вы прикажете мне делать? Позволять вам и дальше копаться в чужих вещах?

- Я... я не знаю, – Джейн опустила голову. На глаза навернулись слезы.

Красавица грациозно приземлилась в кресло. Взяла со столика портсигар и изящным движением вынула сигарету.

- Не дадите мне прикурить? – с издевкой спросила она.

Джейн трясущимися руками взяла зажигалку и поднесла к лицу мисс Лейн.

- Дайте мне, – та раздраженно выхватила зажигалку. – Иначе вы подожжете мне волосы.

Джейн почтительно отступила на шаг.

- И почему вы все еще в моем платье?

- Я... я немедленно переоденусь, мисс Лейн.

- Не стоит, – красавица махнула рукой. – Все равно после вас я его не надену.

Джейн стояла, понуро опустив голову. Мисс Лейн курила.

- Итак, – она задушила сигарету в пепельнице в виде цветка, распутившего лепестки. – Что вы можете для меня сделать, Джейн?

- Я? – смущенно пролепетала Джейн. – Все... все, что угодно! Что ни прикажете, мисс Лейн!

- Интересно, – протянула та. – Как далеко вы готовы зайти, чтобы сохранить эту работу?

Джейн снова потупилась. Ей не нравился тон, каким мисс Лейн это произнесла. Но отступать было нельзя, иначе эта дама немедленно доложит обо всем управляющему, а то и сообщит в соответствующую службу, и тогда ни в одном отеле она больше работы не найдет.

- Джейн, – мисс Лейн слегка наклонилась вперед. – Если я попрошу вас помочь мне – вы

согласитесь?

- Разумеется, мисс Лейн, – с готовностью отозвалась горничная.

- Что бы я ни попросила?

- Да. Обещаю.

- Вы так легко даете обещания! – мисс Лейн рассмеялась. Ее смех был подобен искрящейся на солнце воде. – Как бы то ни было, я хочу попросить вас об услуге.

Джейн подняла глаза, но не могла себя заставить смотреть в лицо мисс Лейн.

- Что я должна сделать?

- В соседнем номере живет одна женщина...

- Миссис Донахью?

- Да, именно она. Ее муж, мистер Донахью, ко мне равнодушен. Должна сказать, что это чувство взаимно.

«Ну и каким боком я тут?», – сердито подумала Джейн, но на лице изобразила лишь заинтересованность.

- Она – мой конкурент. Я хочу убрать ее со своего пути.

Язвительные мысли как отрезало.

- Вы...

- Вы не ослышались, Джейн, – выражение лица мисс Лейн даже не изменилось. – Я прошу вас именно об этом.

- Вы... вы о чем? – потрясенно выдохнула Джейн.

- Это не так сложно, как вам кажется. Всего лишь войти к ней поздно вечером и...

- Вы сошли с ума! – воскликнула Джейн. – Вы вообще думаете, о чем говорите? Это же преступление!

- Я знаю, Джейн, – хладнокровию мисс Лейн могла бы позавидовать ледяная глыба. – Не волнуйтесь, у вас все получится.

Джейн понимала, чего от нее хочет мисс Лейн, но не могла этого принять. Ее ведь выкинут с работы в считанные минуты! Более того, она сядет в тюрьму!

Но с другой стороны, работы ей и так не видать, если мисс Лейн нажалуется руководству. А так... ее ведь могут и не поймать. В конце концов, уж в уборке она знает толк.

- Не отказывайтесь, Джейн, – пропела мисс Лейн. – Тем более, – хитро улыбнулась она, – красивой одежды у нее гораздо больше. Вы сможете ее всю примерить. На этот раз вам никто не помешает.

Это окончательно добило Джейн. Спина покрылась мурашками, стоило ей только представить, как она берет шелковый пеньюар и надевает на голое тело.

Двумя часами позже она вошла в соседний номер.

Проклятая кровь никак не желала отмываться. Джейн терла и терла ладони, но красные прожилки, казалось, въедались еще глубже. И как, скажите на милость, она теперь должна примерять вещи?

Джейн вытерла руки полотенцем, оставив на нем красные разводы. Нужно не забыть забрать его, когда она будет уходить. В номере все было идеально чисто – она постаралась отмыть все, до последнего пятнышка. В конце концов, это была ее работа.

Миссис Донахью лежала на кровати. Одеяло скрывало ужасную рану на горле. Нож для разрезания бумаг был тщательно вымыт, протерт и уложен на предназначенное для него место.

«Она даже не вскрикнет, – говорила мисс Лейн. – Она обычно накачивается снотворным. Так что не бойтесь попасться».

И Джейн ей поверила.

Открыв шкаф, она восхищенно замерла. Чего тут только не было! Шелковые блузы, длинные платья, строгие костюмы... И белье! Много, много белья!

Джейн восхищенно вздохнула. Да здесь работы на всю ночь! Муж миссис Донахью не вернется, в этом она могла быть уверена – сегодня он ночевал в соседнем номере, мисс Лейн об этом позаботилась.

Джейн начала скидывать всю одежду на кровать, где лежала миссис Донахью. Неважно, если запачкается – скрываться было не от кого. Вдобавок, Джейн знала: красный ей идет, как никакой другой цвет.

Первый снег

Первые снежинки несмело плавали в воздухе. Они присаживались на ветви деревьев, скользили вниз, падали на землю. Постепенно они становились крупнее, и вскоре огромные хлопья радостно неслись навстречу земле, кружась, как дети у новогодней елки.

Горацио стоял, заложив руки за спину и запрокинув голову. На лицо падали снежинки, однако это его ничуть не беспокоило. Он наслаждался тихими поцелуями, которые даровал ему первый снег. На губах блуждала улыбка, тихое мурлыканье нарушало практически идеальную тишину.

Первый снег. Лишь завидев его, Горацио выскочил на улицу и благоговейно замер, наслаждаясь снегопадом. Его совершенно не волновало, что на нем легкая рубашка, тонкие штаны и нет обуви. Ступни замерзали, но он продолжал стоять.

Каждый год он проделывал этот странный ритуал. Он сам не понимал, что привлекает его в первом снегопаде, однако не мог противиться желанию ощутить все величие приближающейся зимы.

Внезапно он услышал едва различимый скрип. Кто-то приближался к дому.

Горацио повернул голову, и снег посыпался с темных волос. За невысокой оградой стоял мужчина. На вид ему было лет семьдесят. Шапка надвинута на самые брови, дырявая куртка неопределенного цвета подвязана веревочкой, чтобы не распаивалась. Пуговиц на ней не было и в помине. Заметив, что Горацио смотрит на него, мужчина смущенно кашлянул.

- Вы... вы не дадите мне монетку?

- Позвонить надо? – раздраженно спросил Горацио, недовольный тем, что его потревожили в такой момент.

- Нет... Я... Мне бы монеточку...

- Не хватает на выпивку? – презрительно скривился Горацио.

Смущенный взгляд старика говорил сам за себя. Разумеется. На что еще бродягам нужны деньги? На покупку нового дома?

- Монеточку... В честь снежка...

Горацио раздраженно фыркнул. Но затем вдруг его лицо осветилось улыбкой.

- Что ж, – не переставая улыбаться, сказал он. – Ради снежка, пожалуй... Заходите.

Старик радостно принял предложение. Он занес ногу, чтобы перелезть через ограду, и Горацио увидел, что тот напялил ботинки на босу ногу. Потертые брюки были ему слегка коротковаты.

Мгновение – и старик оказался во дворе. Пусть калитка располагалась с другой стороны дома, сама ограда служила прежде всего украшением, а не защитой, так что Горацио не стал указывать на правила хорошего тона. Вдобавок, старый алкоголик все равно ничего не понял бы.

- Ну так что, мистер? – заискивающе спросил старик, подходя ближе. – Вы дадите мне денег?

- Угу, – буркнул Горацио. – Сейчас вернусь. Подождите здесь, – он кивнул на открытую дверь сарая. – На улице страшный снегопад.

Старик довольно улыбнулся щербатым ртом.

Десять минут спустя Горацио снова стоял под снегопадом. Снежинки ласкали кожу, скатывались слезами по щекам. Он улыбался во весь рот.

- Эй! – окрикнул его кто-то.

Горацио с неохотой открыл глаза. За заборчиком стоял высокий мужчина в красной куртке

с меховым воротником. На руках были толстые перчатки. Горацио усмехнулся про себя – тот вырядился, словно на Северный полюс, хотя с неба всего-навсего упала пара снежинок.

- Эй, сосед! – обрадованно воскликнул мужчина, увидев, что Горацио смотрит на него.

- Да?

- Слушай, у тебя есть лопата? Всю подъездную дорожку завалило, не могу пробиться в гараж.

Горацио вздохнул. Он смутно узнавал этого мужчину – тот владел домом ниже по улице. Дом Горацио стоял на возвышении, отдельно от всех, что его, несомненно, устраивало.

- А что другие соседи? – спросил он. – Вам ведь необязательно было приходиться ко мне, другие гораздо ближе.

- Никого нет дома, – виновато улыбнулся мужчина. – Постучал в каждую дверь. Вы уж извините.

Горацио вздохнул.

- Хорошо. Минутку, – он, улыбнувшись, прошествовал к сараю. Отпер его, повесил замок на ручку двери. – Сейчас, одно мгновение.

Сосед перемахнул через забор так же просто, как и бродяга, и подошел ближе.

- Такого снегопада давненько не бывало. Еще отец мой рассказывал...

Горацио рылся в сарае, пока не удостоверился, что сосед подошел ближе, с интересом заглядывая через плечо и пытаясь увидеть, что же он там делает.

- Так вот и было, – продолжал мужчина. – Ну так что, есть у тебя лопата?

Горацио резко повернулся и всадил длинный острый штырь точно в глаз мужчины.

- Нет, – улыбнулся он, наблюдая, как застыло изумленное выражение в единственном уцелевшем глазу соседа. – Я искал это.

Горацио подхватил труп, не дав ему упасть на покрытую снегом землю, и затащил его в сарай.

Внутри было темно, лишь сквозь дыру в потолке лился белый свет. Горацио бросил свою ношу прямо на убитого чуть ранее бродягу и стряхнул с рук невидимые пылинки.

Он постоял некоторое время, глядя, как снежинки, медленно кружась, падают на мертвые тела. Затем усмехнулся и вышел на улицу.

Заперев сарай, он поднял голову и прикрыл глаза. Снег падал на лицо и волосы. Кровавые пятна на одежде расползались все шире.

- Никто не смеет беспокоить меня во время первого снега, – прошептал он.

Чаепитие

Сантьяго стоял у окна и смотрел на площадь.

Ни единого человека не было на ней. Черная брусчатка, черные скамейки, неработающий фонтан из черного мрамора – все было погружено во мрак. Фонари были выключены. Близился рассвет.

Солнце еще не вышло из-за горизонта, но небо уже посветлело. Скоро на площадь хлынет свет, зальет ее, как свежесваренный чай, и все окружающие предметы станут разноцветными. Скамейки окажутся оранжевыми, фонтан – серым, брусчатка – красной. Раскинут цветные зонтики продавцы мороженого и хот-догов... Зазвучат голоса детей, раздастся лай собак...

Но это потом. Чуть позже. Когда выйдет солнце.

Сантьяго продолжал таращиться на пустую площадь. В руке он держал использованный пакетик чая. Коричневые капли падали на пол, разбивались, брызги попадали на голую ступню. Но Сантьяго не замечал этого. Все его внимание поглотили силуэты, постепенно проявляющиеся во тьме.

Край солнца появился из-за горизонта, и Сантьяго очнулся. Перевел взгляд на пакетик, усмехнулся и бросил его в мусорное ведро.

Затем повернулся и посмотрел в угол.

На кухне было темно. Лучи пока не добрались сюда.

Но Сантьяго видел.

Видел полные ужаса глаза.

Видел длинные волосы, подметающие пол.

Видел скрюченную позу, напоминающую ему гусеницу.

Он усмехнулся и подошел ближе.

Девушка попыталась отодвинуться, но у нее не вышло. Светлые волосы лишь упали на лицо, мешая ей разглядеть Сантьяго. Он дернула головой и ударилась о пол. Слезы хлынули из глаз. Сдавленные рыдания раздалась сквозь кляп.

Сантьяго присел рядом и осторожно убрал волосы с ее лица.

- Ну-ну, спокойней, – тихо проговорил он, однако от его тона девушка еще больше запаниковала. Она дернула связанными руками, но скотч только сильнее врезался в ее запястья, не желая ослабляться. – Чем больше ты дергаешься, тем хуже себе делаешь.

Она замерла, затем опустила голову на пол, не прекращая плакать.

Сантьяго встал и подошел к накрытому столу. Задумчиво посмотрел на него, поправил салфетки. Вернулся к девушке.

Подхватил ее и вздернул вверх. От долгого лежания ноги ее затекли, и она не смогла устоять. Пошатнулась, но Сантьяго держал ее крепко, не дав упасть.

Он подтащил ее к столу и усадил в кресло. Взял нож, разрезал путы на запястьях. Выражение облегчения на ее лице сменилось растерянностью, когда он примотал ее левую руку к подлокотнику.

- Правая останется свободной, – улыбнулся он. – Чтобы ты могла попробовать чай.

Он вынул из ее рта кляп. Уголки губ покраснели, и девушка, дрожа, едва смогла закрыть рот.

- Челюсть затекла? – заботливо спросил Сантьяго. – Ничего, это скоро пройдет. Как тебя зовут?

- Ч-что? – переспросила она. Голос звучал хрипло.

- Я спросил, как тебя зовут, – терпеливо повторил Сантьяго.

- Тру... Труди.

- Очень приятно. А я – Сантьяго.

- Вы... вы убьете меня? – голос девушки задрожал.

- Все зависит от тебя.

Глаза Труди расширились.

- Вы... вы изнасилуете...

- Нет. Если бы я хотел, то сделал бы это еще вчера.

Казалось, это ее немного успокоило.

- Н-но... тогда... зачем я вам?

- Я просто хочу выпить с вами чаю, – ослепительно улыбнулся Сантьяго.

- Ч-чаю? – Труди перевела взгляд на накрытый стол.

- Чаю, – повторил он. – Разумеется, вы должны сказать мне одну вещь, когда попробуете заваренный мной чай.

Он сел по другую сторону стола и указал на две чашки, стоящие перед девушкой. Одна из них была пуста, во второй плескалась коричневая жидкость.

- Этот чай заварен из обычного пакетика. Я называю его «пыль индийских дорог», – он усмехнулся. – Ну разве не забавно?

Девушка с испугом смотрела на него, уголки ее губ даже не дрогнули.

- А этот, – Сантьяго, не обращая внимания на неудачную шутку, кивнул на пустую чашку. – Один из лучших сортов китайского зеленого чая. Позволь налить тебе его.

Он привстал и взял заварочный чайник. В чашку полился ароматный напиток приятного оттенка.

- А теперь попробуй. Тот, что из пакетика. Давай.

Девушка взяла чашку свободной рукой. Пальцы дрожали, и она едва ее не уронила.

- Разольешь хоть каплю – пожалеешь, – сучающим тоном сказал Сантьяго.

Из глаз Труди снова брызнули слезы, но она удержалась от рыданий. Поднесла чашку ко рту и сделала маленький глоток.

- Допивай все, – приказал Сантьяго. – И помни – ни единой капли мимо.

Девушка допила чай и поставила чашку на блюдце. Руки тряслись заметно меньше.

- Умница, – похвалил ее Сантьяго. – А теперь попробуй следующий. И скажи, чего в нем не хватает. Не тяни время.

Труди взяла чашку и поднесла к губам. Она только сейчас поняла, как ужасно хотелось пить, ведь она пролежала с кляпом во рту всю ночь. Легкий, ненавязчивый аромат щекотал ноздри.

По сравнению с первым этот чай показался ей напитком богов. Она быстро допила его и поставила чашку на блюдце.

- Ну что? – Сантьяго внимательно смотрел на нее. – Чего в нем не хватает?

Поскольку Труди молчала, он встал и подошел к ней. Наклонившись к ее лицу, он прошептал:

- Отвечай.

Она попыталась отодвинуться, но безуспешно.

- Отвечай!

Ее губы задрожали, она готова была разрыдаться.

- Отвечай, кому сказал!

- Ничего! – выкрикнула она. По щекам катились крупные слезы. – Он идеален! Не надо ни сахара, ни молока... Ничего!

- Разве сахар и молоко – единственные добавки? – сощурился Сантьяго.

Она молчала, глотая слезы.

- Значит, ты считаешь, что больше ничего не нужно?

Девушка кивнула.

- Сожалею, – вздохнул он, выпрямляясь. – Ответ неверный.

Вынув из кармана нож, он молниеносным движением перерезал девушке горло. Взяв ее за волосы, он наклонил ее над столом. Кровь попала на белоснежную скатерть, и он, поморщившись, чуть подвинул голову девушки так, чтобы кровь капала в чашку.

Когда чашка наполнилась до краев, он отпустил девушку. Голова свесилась на грудь, светлые волосы закрыли остекленевшие глаза. По белой блузке текла кровь.

Сантьяго взял чашку и с наслаждением вдохнул аромат.

- Превосходно, – прошептал он. – Восхитительно.

Затем подошел к окну и, делая глоток за глотком, принялся наблюдать, как оживает площадь. На губах блуждала легкая улыбка.

Толпа

- Смотри.
- Что?
- На лицах - одинаковые маски.
- И что с того? Может, сегодня маскарад.
- Одежда не отличается ничем. И мужчины, и женщины - все одеты одинаково.
- Флэш-моб?
- Ничего смешного тут не вижу.
- Я лишь предположил...
- Походка - резкая. Движения - механические.
- Армия?
- Нет. Это не армия. Это толпа.
- Она же упорядоченная! Все идут строем, а толпа...
- Что толпа?
- Она хаотична...
- Толпа? Хаотична? Не смейся. Толпа идет за костью, которую ей кто-то бросил и сказал, что это вкусно.
- Но тогда они должны драться за нее...
- Кость большая. На всех хватит.
- Не понимаю...
- И не поймешь пока сам не окажешься там.
- А что такого? По-моему, все вполне прилично...
- Ты меня разочаровываешь. Неужели ты не видишь?
- Чего?
- Они же просто глупцы.
- Почему?
- Спроси у них, за чем они идут, какую цель преследуют - и они тебе не ответят.
- Не может такого быть! У каждого есть цель...
- У каждого в отдельности - да. Но не у толпы.
- А если спросить толпу?
- Тоже не получишь ответа.
- Почему?
- Потому что его нет. Толпа бессмысленна. Не заставляй меня повторяться. Скажи лучше, почему ты хочешь туда?
- Я? Я не говорил, что хочу...
- Я вижу по твоим глазам. В них уже зажегся огонек толпы. Ты хочешь шагать вместе с ними, быть, как они. Не иметь своего мнения и просто выполнять то, что тебе скажут.
- Это неправда...
- Правда. Но думаешь, хоть один из них признает это?
- Но почему они все еще там? Неужели им это нравится?
- А ты посмотри внимательней. Видишь вон того типа в красном свитере?
- Его трудно не заметить... Среди всей этой серой одежды...
- Смотри внимательней. Что еще ты видишь?
- Его шаг отличается от походки других... Он идет чуть медленнее и, кажется, хочет пойти обратно...

- Верно. Подожди немного...

- Он... он упал! Люди идут прямо по нему! Почему ему никто не поможет?

- А зачем? Остановишься рядом - и тебя тоже затопчут.

- Но это же несправедливо!

- Ну тогда рискни, спустись туда... Что? В чем дело?

- Я...

- Что, не можешь? Слабак.

- А почему ты не спустишься?

- Потому что мне плевать. А вот тебя все еще трогает несправедливость... Но ты уже не

можешь противостоять ей. Ты уже стал частью толпы.

- Нет! Неправда! Я не хочу быть, как они!

- Тогда прыгай туда и иди против движения.

- Они же меня растопчут! А другого способа нет?

- Нет.

- Ну что же... Я попробую...

- Вот дурак... Полез все-таки. Забыл сказать, что его либо сразу сшибут, либо повернут в противоположную сторону. Лишь единицам удастся сделать несколько шагов. Но потом они все равно погибают или подчиняются толпе. И все дружным строем идут в ад.

Шоколад

Биттер Блэк открыл папку и вложил в нее ручку. Затем резко захлопнул ее. Это означало, что совещание окончено.

Джозеф Мартин поднялся со своего места и направился к двери. Наконец-то можно размять ноги, а чуть позже и как следует потянуться – на сегодняшнем заседании ему пришлось пережить несколько неприятных моментов, но люди начали к нему прислушиваться, что не могло не радовать. Он видел, как хмурится мистер Блэк, видел, как сходятся брови на его переносице, но не мог заставить себя замолчать – слишком уж очевидными были вещи, о которых он говорил, слишком много людей внимало ему, едва ли не раскрыв рот. Ни один не перебил, хотя его слова должны были изрядно потрясти собравшуюся публику. Даже Блэк, и тот промолчал, хотя был страшно недоволен. Но причина словесного поноса заключалась не только в этом.

На мгновение Мартин почувствовал власть над этими людьми, каждый из которых был выше его по должности.

До чего же приятное чувство.

Мартин вернулся в свой кабинет и устало упал в кресло. После сегодняшней пламенной речи шанс, что босс не послушает его, был минимальным.

Они все были там. Они все слышали предложение Мартина. И к завтрашнему дню у них не останется сомнений. После обеда он наведается к паре-тройке высоких чинов, присутствовавших на совещании, и повторит сказанное еще раз, чтобы окончательно убедить их в принятии данного решения.

Мартин подавил горячее желание закинуть ноги на стол и немного похрапеть. Хотя... Почему нет?

Даже не удосужившись снять ботинки, Мартин положил ноги на столешницу, прямо поверх каких-то бумаг, и откинулся на спинку кресла, уставившись в потолок, который покрывали декоративные трещины. В глубине души он все же надеялся, что и мистер Блэк поймет правильность его слов.

Но он слишком многого хотел, Мартин и сам это понимал. Блэк был жестким человеком и, благодаря незримому стержню внутри, уже в двадцать семь стал главой компании. Разумеется, злые языки поговаривали, что без связей тут не обошлось, но компанией Блэк управлял уверенно. И с этим даже самые завзятые сплетники не смогли бы поспорить.

Мартин начал проваливаться в сон, когда телефон на столе громко запиликал. От неожиданности он вздрогнул и упал назад себя вместе с креслом.

Падение вышло не совсем удачным – он едва не зацепил головой край шкафчика с документами и ударился спиной так, что перехватило дыхание. Несколько секунд он судорожно пытался вдохнуть, и в приступе паники показалось, что не может этого сделать. Но затем порция воздуха протолкнулась в легкие, и Мартин жадно задышал. Пусть каждый вдох отзывался в груди тупой болью, но он дышал.

- Твою же ж... – простонал он, с трудом поднимаясь на ноги. И только тут понял, что телефон все еще звонит.

Торопливо подняв трубку, Мартин представился, хотя нужды не было – телефон был внутренним, и собеседник точно знал, кому он звонит.

«Чертова профессиональная привычка, – отругал себя Мартин. – Уже полгода как не в службе поддержки, а отвечаю все так же».

- Мистер Мартин, вас желает видеть мистер Блэк, – пропел в трубке приятный голос Роуз –

секретарши босса.

Несмотря на жару в кабинете, Мартин почувствовал, как по спине пробежал холодок. Босс хочет видеть его? Для чего?

- Мистер Мартин? – окликнула его Роуз. – С вами все в порядке?

- Да-да, – торопливо отозвался тот. Слава Богу, голос не дрожал. – Сейчас буду.

Положив трубку, он одернул пиджак и бросил взгляд в зеркало, висевшее на дверце шкафа. Оттуда на него смотрел невысокий полноватый мужчина в строгом костюме, который, казалось, смотрелся на нем, как не на своем месте. Будто бы он, Мартин, не заслуживал той должности, которая ему выпала. Мартин нервно пригладил торчащие волосы и, испуганно улыбнувшись самому себе, вышел из кабинета.

Роуз без всяких предисловий указала ему на дверь, и Мартин, слегка замедлив шаг, подошел ближе. На ней сверкала золотом табличка: «Биттер Блэк, генеральный директор». Ничего пугающего в этой надписи не было, но Мартин едва сдержался, чтобы не развернуться и не броситься вон. Странно, на сегодняшнем совещании он так не боялся...

Слава Богу, дыхание уже восстановилось. Собрав волю в кулак, он постучал.

- Войдите! – донесся из-за двери бархатный голос.

Мартин нажал на ручку и вошел.

Раньше ему не доводилось бывать здесь, поэтому убранство кабинета босса на мгновение ослепило его. Тяжелые шторы закрывали окна от солнечного света, и здесь царила прохлада. Темный ковер на полу, цвета шоколада, слегка продавился под ботинком, когда Мартин шагнул вперед.

- Не стесняйтесь, мистер Мартин, – Блэк поднял голову от документов и широко улыбнулся, обнажая идеально ровные белые зубы. Волосы были зачесаны назад, черный костюм, наверняка сшитый на заказ, сидел безупречно. – Присаживайтесь сюда, – он указал на кресло перед собой.

Мартин послушно сел, с любопытством и легким благоговением разглядывая стол. Массивный, резной, он будто сошел с какой-нибудь картины девятнадцатого века! На нем в легком беспорядке были разложены бумаги, позолоченная перьевая ручка на подставке удачно дополняла образ. Вид портил только вполне современный монитор, но он был практически незаметным в полумраке кабинета, если не смотреть на него.

- Вижу, вам понравился мой стол, мистер Мартин, – усмехнулся Блэк.

- А?.. – Мартин оторвался от созерцания и слегка оторопело взглянул на Блэка. – Прошу меня простить, но... ваш стол действительно великолепен. Настоящий антиквариат.

- Приму это за комплимент, – Блэк улыбался. – Не желаете ли чаю?

- Н-нет...

- Что вы, не отказывайтесь, – улыбка стала чуть шире. Блэк нажал кнопку коммуникатора. – Роуз, принеси нам, пожалуйста, по чашке чая. И, разумеется, шоколад.

Заметив ошарашенное выражение лица Мартина, Блэк сцепил руки и чуть наклонился к нему.

- Да, я люблю шоколад. Просто обожаю! А вы?

Сладкого Мартин не ел уже лет десять, но отказывать боссу было бы неудобно, поэтому он осторожно произнес:

- Я редко его ем. Если только батончики перехва...

Лицо Блэка едва заметно скривилось.

- Батончики? И, по-вашему, это шоколад? Готов спорить, вы настоящего шоколада в жизни не ели! Вы должны непременно попробовать его!

Мартин молчал, не зная, что сказать. От неудобного положения его спасла Роуз, которая

вошла в комнату, одной рукой распахнув дверь, а второй придерживая поднос, на котором стояли две чашки.

Поставив его на стол, Роуз, удалилась, закрыв за собой дверь.

Мартин с любопытством посмотрел на поднос. Когда Роуз держала его в руках, он не заметил двух плиток шоколада в черно-золотых обертках. В центре золотого квадрата было вытиснено название: «Нероколла».

- Этот шоколад недавно был признан лучшим в мире, – Блэк взял плитку и, разорвав обертку, быстро разломал на кусочки. – Прошу вас, угощайтесь.

Мартин несмело взял изящную фарфоровую чашку в одну руку и кусочек шоколада – в другую. Блэк уже невозмутимо попивал чай.

Мартин положил шоколад в рот и начал медленно жевать. Рот тут же наполнился плотным, горьковатым вкусом. Секундой спустя почувствовалась сладость, тут же снова сменившаяся горечью. Вслед за этим – снова сладость. Неуловимая граница полностью захватила сознание Мартина, дразня, заставляя его пробовать и пробовать шоколад в надежде поймать ускользающий вкус.

Блэк с усмешкой смотрел на него.

- Вижу, вам «Нероколла» пришлось по вкусу, – сказал он, отпивая чай. – Что ж, теперь можно поговорить о делах.

Мартин согласно кивнул, обводя десны и зубы языком в поисках прилипшего кусочка шоколада. Такого не обнаружилось, и он даже испытал нечто вроде разочарования. Взять еще? Почему нет?

Мартин взял очередной кусочек.

- Сегодня вы высказали очень интересное предложение на совещании. – Блэк поставил наполовину опустевшую чашку на стол. – Многие из Совета прислушались к вам, но вы должны понимать, что я не могу принять его.

Мартин хотел возразить, но Блэк опередил его, жестом приказав молчать:

- У вас очень длинный язык, мистер Мартин. Я бы укоротил его, но, к сожалению, забыл нож дома. Поэтому я могу лишь угостить вас шоколадом, – он улыбнулся.

В голову Мартина пришла совершенно дикая мысль. Шоколад отравлен? Так вот зачем босс так настойчиво предлагал его попробовать!

Что за глупости? Это же убийство! Неужели Блэк способен на такое? Чушь собачья! Это он так шутит! Всего лишь шутит!

Однако, посмотрев на Блэка, Мартин не увидел и намека на веселость. Карие глаза босса были холодны, как шоколадное мороженое.

«В шоколаде был яд?», – хотел спросить Мартин, но не смог разжать челюсти. Зубы намертво приклеились друг к другу и не желали раздираться. Это напомнило ириски, которые мать покупала, когда он был маленьким. Она называла их не иначе как «пломбовыдиратели».

Но здесь все было хуже. Он не мог разжать ни челюсть, ни губы, как ни силился.

Интересно, заметил ли это босс? Ну разумеется! Только сейчас Мартин понял, что Блэк не съел ни кусочка. Это ведь он все подстроил! Он!

Тихий стон еле слышно донесся из-за плотно сжатых губ. Мартин хотел вскочить, но Блэк так посмотрел на него, что ноги отказались слушаться.

Внезапно мозг пронзила идея. Он схватил со стола свою чашку и поднес к губам.

Чай выплеснулся на колени. Плотно сжатые губы не пропускали ничего. Даже воздух. Мартин поначалу не осознал, что благодарит Всевышнего за то, что неделей раньше вылечил гайморит.

Он умоляюще посмотрел на босса, но того происходящее с Мартином явно не волновало.

На губах Блэка играла усмешка, он взял чашку и отпил чай.

Мартин стукнул раскрытой ладонью по столу. Ему хотелось встать и выбежать из кабинета, но шестое чувство говорило, что этого делать не стоит. Как на него будут смотреть остальные, те самые люди, на которых он сегодня произвел такое впечатление? Это грозило мгновенной потерей только-только приобретенного авторитета.

Мартин почувствовал, что по щекам вот-вот побегут слезы, и с трудом сдержался. Оставалось только ждать, когда этот кошмар закончится. Блэк не пойдет на убийство, Мартин изо всех сил старался убедить себя в этом.

- Ах, вы хотите спросить, что с вами? – Блэк откинулся на спинку кожаного кресла. – Не утруждайтесь, это все равно не удастся. Не задумывались, почему у этого шоколада такое название? Вы, вижу, не знаете итальянского... Что ж, ваши проблемы. А теперь слушайте меня.

Он наклонился к Мартину, и их лица оказались так близко, что тот чувствовал дыхание босса на своем лице. Это привело его в еще больший ужас, который не дал ему сдвинуться с места.

- Вы больше не произнесете ни слова на этих чертовых совещаниях. Вы всего лишь мелкая сошка и останетесь ей до конца жизни. А если еще раз раскроете рот – то до конца вашей очень недолгой жизни. Вы поняли меня?

Мартин сам не заметил, как быстро-быстро закивал, словно марионетка.

- Молодец, – по-отечески улыбнулся Блэк и отстранился. Встав с кресла, он подошел к занавешенному окну. – Я более не смею вас задерживать. Через пару часов действие шоколада пройдет.

Мартин продолжал сидеть. Слезы все-таки побежали по щекам, на этот раз от облегчения.

- Убирайтесь, – тихо проговорил Блэк. – Живо.

Мартин подскочил, как ужаленный, и ринулся вон из кабинета. Блэк усмехнулся, глядя ему вслед, затем подошел к столу и взял кусочек шоколада.

- Жалкий трус, – пробормотал он. Затем положил шоколад в рот и начал медленно жевать, наслаждаясь необычным вкусом.

Последний полет

Внезапно все умерли.

Билли удивленно хлопал глазами, глядя, как занимавший соседнее кресло дядечка вдруг уронил голову на грудь. Из уголка рта медленно стекала струйка крови.

- Мама? – он повернулся и увидел, что мать дергается в предсмертных судорогах. Грудь была пробита, из раны сочилась кровь. Остекленевшие глаза смотрели прямо перед собой.

Билли в ужасе потряс ее. Никакой реакции. Его мать умерла.

- Мама, – прошептал он, по щекам побежали слезы. – Мама! Помогите же, кто-нибудь!

Он вскочил с кресла и выбежал в проход, споткнувшись о распластавшуюся на полу стюардессу. Шея была неестественно вывернута, руки вытянуты вперед. Ладони все еще сжимали перекладину опрокинувшейся тележки, вокруг валялись бутылки с водой и пакеты с соком.

Билли осторожно обошел ее, со страхом ожидая, что холодные пальцы отпустят металл и коснутся лодыжки.

«Почему все молчат? – пронеслось в голове. – Почему никто не поднимет крик, не запаникует, не заплачет? Ведь я же здесь не один...».

Мысли разом заглохли, когда он увидел пассажиров.

Брюнеты, блондины, мужчины, женщины, старые и молодые – их всех объединяло одно: они были мертвы. Девушка с длинными светлыми волосами вжалась в сиденье, а посреди лба торчал металлический штырь, прищипливающий ее к подголовнику. С другой стороны прохода обгоревший труп улыбался, скаля зубы сквозь обожженную плоть. Остатки седых волос помогли Билли вспомнить мужчину в строгом костюме и галстуке, с небольшим чемоданчиком в руке.

«Боишься летать, сынок?», – и тяжесть руки, потрепавшей его по волосам.

Красивая черноволосая женщина в элегантном платье летела на свадьбу сестры. Билли слышал, как она говорила об этом своему соседу, пухлому блондину в красной футболке с каким-то логотипом. Теперь же оба сидели, обнявшись, и пальцы впивались в плоть, раздирая до мяса. Рты раззявлены в предсмертном вопле, а то, что выше, отсутствовало вовсе.

Содрогнувшись, Билли перевел взгляд в сторону. И тут же наткнулся на мальчишку лет пятнадцати, который перед полетом обещал научить его играть в «Злых птиц». Ноутбук, с которым он не расставался ни на минуту, впечатался в грудь с такой силой, что, если бы Билли пришлось в голову убрать его, то клавиши наверняка остались бы в грудной клетке парня.

«Мы же с тобой одного возраста, – подумал Билли. – Почему же ты умер, а я нет? Почему вы все умерли?!».

- Почему вы умерли?! – выкрикнул он. – Почему?

Паника, которую он так старательно сдерживал, теперь вырывалась наружу сдавленными всхлипами. Хотелось кричать, но в горле стоял ком. Руки и ноги холодели, тело сотрясала мелкая дрожь.

- По... почему? – слезы катились по щекам, капали на пол и на щеку мертвой стюардессы.

- Потому что твое время еще не пришло, – вдруг раздался из динамика над головой хриплый, едва разборчивый из-за шума помех голос.

От неожиданности Билли подпрыгнул.

- Кто... кто это? – дрожащим голосом выговорил он.

- Я пилот этого самолета, – ответил тот.

Ну конечно! Билли с облегчением выдохнул. Как же он мог забыть о пилоте? Кто-то ведь

должен вести самолет. Теперь ему помогут, и этот кошмар наконец закончится!

- Слава Богу, – прошептал мальчик.

- Бог здесь не живет, – огорошил голос.

Билли застыл, не зная, как реагировать. Желание немедленно бежать в кабину куда-то пропало.

- Ка... как не живет? – выдавил он единственное, что пришло на ум.

- Посмотри вокруг и сам убедишься, – сквозь треск помех послышалась легкая ехидца.

- Это н-не смешно! – выкрикнул Билли. – Совсем не смешно! Нужно вызвать полицию!

Посадить самолет! Ведь моя мать мертва!

- То есть, если бы она была жива, ты бы так не суетился? – продолжал откровенно издеваться пилот.

- Заткнись! Посади самолет! Посади немедленно!

- Не могу, – голос вмиг стал серьезным.

Билли опешил.

- Как не можешь? Ты же пилот! Ты должен!

- Нет смысла.

Стало тихо. Слишком тихо. Ни треска помех из переговорного устройства, ни шума мотора. Ничего.

- Мы... мы не летим? – Билли широко распахнул глаза от внезапной догадки.

Пилот ответил не сразу.

- Мы летим.

- Но я не слышу мотор! Так ведь не бывает! И если бы мы падали, был бы слышен свист ветра! Удары! Тележка с напитками укатилась бы туда! – он указал вперед.

- Тележка лежит на боку и катиться никуда не может, – резонно возразил пилот.

- Все равно самолет стоит ровно!

- Мы летим, – упрямо повторил голос.

- Мы не можем лететь! – взвизгнул Билли. – Это невозможно!

- Но это так, – полное равнодушие разом лишило Билли сил. Он обмяк и едва не опустился на колени к блондинке с пробитой головой, но вовремя схватился за спинку сиденья, запутавшись пальцами в ее волосах.

- Расслабься, Билли, – посоветовал пилот. – Мы летим, но полет уже закончен. Четыре года тому назад. Помнишь?

- Не помню я ничего! – Билли душили слезы, и он с шумом вдохнул воздух, полный запаха крови и горелого мяса.

Блондинка в кресле открыла глаза.

- Помнишь, – пропела она.

Билли заорал и отскочил, запнувшись о стюардессу. Та посмотрела на него, вывернув голову под ужасающим углом.

- Ты помнишь. От удара я упала и сломала шею.

- Не помню! – Билли закрыл лицо руками и замотал головой.

- О-о-о-ни-шь, – прошелестел обгоревшими губами мужчина с дипломатом.

- Билли, – раздался ласковый голос позади.

Мальчик развернулся так резко, что едва не потерял равновесие.

Мать протягивала к нему руки. Дырка посреди груди сочилась кровью, капающей на пол с мягким звуком.

- Билли, – повторила она, сделав шаг вперед. – Ты помнишь, Билли?

Яркая вспышка. Огонь. Польшнуло первым делом на мужчину с седыми волосами и

дипломатом. Вскочить он не смог – был пристегнут ремнем безопасности, так и сгорел в кресле.

Невесть откуда взявшийся штырь (Билли так и не понял, что это было) припечатал блондинку к подголовнику кресла. Она даже не успела испугаться.

Брюнетка и парень в красной футболке в ужасе вцепились друг в друга, но объятия оказались смертельными – обоим снесло полголовы.

На глазах Билли самолет распадался на части. Свет заморгал, затем потух. Осталось только пламя, продолжающее пожирать мужчину. Переметнуться на соседнее кресло оно не успело. Раздался громкий удар, от которого едва не лопнули барабанные перепонки. Корпус самолета вдавился внутрь, как картонная коробка, которую сминают перед тем, как выбросить.

И крики. Громче удара. Громче взрыва. Ор, визги, вопли, рвущие голову мальчика изнутри. Вгоняющие в ужасающую панику, заставляющие кричать, рвать ногтями кожу, выцарапывать собственные глаза, лишь бы не видеть этого кошмара.

- Билли! – прорвался сквозь эту какофонию голос пилота.

Мальчик вскинул голову. По щекам катились слезы вперемешку с кровью.

- Ты хочешь это прекратить, Билли?

- ДА! – заорал мальчик. – Да, хочу! Прекрати это! Я хочу умереть! Я ХОЧУ УМЕРЕТЬ!

Тихий вздох перекрыл адскую симфонию предсмертных криков.

- Наконец-то. Ты долго держался, Билли, но смирился. Поздравляю, – доля ехидства и сейчас никуда не делась.

- Спасибо, – прошептал Билли, вытирая со щек слезы облегчения.

Выписка из некролога:

«15 августа 2012 года Уильям Криденс, единственный выживший в авиакатастрофе, произошедшей 27 сентября 2008 года, скончался, пробыв в коме почти четыре года».

Братская любовь

Оливер выхватил из рук брата пульт и переключил на другой канал. Багз Банни сменился мужчиной в устрашающей маске, закрывающей нижнюю часть лица.

- Олли! – возмущенно взвыл Робби. – Отдай!

- Нет уж. Сегодня показывают все фильмы про Лектера, и я хочу посмотреть!

- Ты достал со своими ужасиками! – захныкал брат. – Я боюсь!

- Дурачок, тебе уже девять, а ты все еще боишься? – поддел Оливер. – Ну ты и девчонка.

- Сам такой, – мальчик надулся и отвернул голову от экрана.

Оливер искоса глянул на него, но решил не поддаваться. Мультки можно и потом посмотреть. Не ночью. А сейчас до жути хотелось пощекотать нервы.

- Ну и смотри свою хрень, – Робби демонстративно поднялся. – Я тогда в папин компьютер залезу и поиграю во что-нибудь.

- Он же запретил, – на автомате произнес Оливер, не отрывая взгляда от экрана.

- Ну он же не узнает. Они с мамой только завтра вернутся.

- Да делай, что хочешь, – отмахнулся брат.

Робби вздохнул и прошел в кабинет отца. Щелкнул кнопкой выключателя.

- Олли, лампочка перегорела!

- Угу, – отозвался тот.

- Я не знаю, где запасные!

- Поищи на кухне! – в голосе значительно прибавилось раздражения.

Робби втянул голову в плечи и пронесся мимо на кухню. Когда брат занят своими маньяками, к нему лучше не лезть – озверееет.

Парень замер в предвкушении. Вот, сейчас будет его любимая сцена... Еще чуть-чуть... Сцепленные руки даже вспотели от возбуждения. Ну... Ну?

- Олли! – очередной вскрик.

Ну сейчас он ему задаст. Оливер вскочил и, сжав кулаки, размашистым шагом прошел на кухню.

- Ты у меня таких пенделей получишь, мелкий...

Слова застряли в горле. Младший брат в ужасе смотрел на него, а у шеи блестело лезвие ножа.

- А вот и второй мальчик, – усмехнулся высокий светловолосый мужчина со сверкающими, как льдинки, голубыми глазами. – Без глупостей, или я убью его.

- Что... – Оливер прокашлялся. – Что вам нужно?

- Считаю меня грабителем, – улыбнулся тот. – Так будет проще.

- Берите, что вам нужно, и уходите, – пролепетал парень. – Мы никому ничего...

Мужчина рассмеялся. Затем оттолкнул мальчика в сторону и подошел к Оливеру.

- Робби, беги!! – крикнул брат, хватая кухонный нож. Но крепкая затрещина мгновенно вырубил его.

Темнота плыла перед глазами. Именно плыла – неторопливо, с достоинством протекала мимо, будто Оливер лежал на берегу черной реки. Красная вспышка прорезала ее, словно рыба плеснула хвостом, и парень застонал, приоткрыв глаза.

Кафель на потолке. Раковина там же, унитаз с правом верхнем углу, зеленый коврик держится немыслимым образом. Пошевелившись, Оливер обнаружил, что руки связаны за спиной. Дернул ногами, и резкая боль впиалась в лодыжки. Черт. Его подвесили вниз головой в

собственной ванной.

Оливер в ужасе уставился на черные пуговицы, возникшие перед ним. Каждая напоминала внимательный глаз, следящий за любым движением. Черная ткань мерно вздымалась, странный грабитель даже не запыхался, подвешивая его к потолку.

- Робби, – хрипло прошептал Оливер.

- Я з-здесь, – донесся до него дрожащий голос, и волна облегчения накрыла изрядно болящее тело. Брат жив, он жив, значит, есть шанс...

Резкая пощечина вернула его к реальности.

- Не спи, парень, – произнес мужчина. – Ты мне нужен в сознании.

- За... зачем?..

- Хочу заглянуть в твою душу, – раздался тихий смешок. Робби начал плакать.

Оливер же безуспешно пытался заглянуть за торс незнакомца. Тот отошел, и взору наконец предстал Робби. Целый и невредимый, он сидел в углу, по щекам катились крупные слезы.

Послышалось металлическое звяканье, от которого душа ушла в пятки. Мужчина появился перед ним, сжимая в руке, затянутой в тонкую перчатку, блестящее лезвие. Оливер сразу же узнал его – отец был хирургом. Скальпель.

Маньяк аккуратно разрезал футболку парня.

- Не дрожи так, я ведь могу тебя и поранить раньше времени, – с улыбкой сказал он.

- Ч-чего тебе н-надо, большой ублюдок?

Холодный металл коснулся груди, и Оливер вздрогнул. К шее покатилась капля крови, неприятно щекоча.

- Дурак, – разочарованно сказал незнакомец. – Сказал же – не дергаться.

Он воткнул скальпель в живот парня, вспарывая его. Оливер заорал от боли, крик слился с испуганным воплем Робби.

- Братик! Не надо, пожалуйста, не трогай его! Брати-и-ик!

Лезвие было очень холодным. Оливер чувствовал, как оно движется от живота к груди, разрезая его, словно горячий нож масло. Кожу покрывало что-то липкое, щекотными дорожками стекая к лицу.

Острая ледяная молния пронзала снова и снова, заглушая все мысли, прогоняя чувства, не оставляя ничего, кроме боли. Сознание медленно гасло, и Оливер этому только порадовался. Однако крепкая пощечина снова привела его в чувство.

- Не спать, – голос незнакомца лязгнул, как медицинские инструменты.

Целую вечность он стоял и пялился на Оливера, не обращая никакого внимания на бьющегося в истерике Робби. Наконец глаза жертвы начали стекленеть.

- Хватит с тебя, – он отвернулся от залитого кровью лица Оливера, который все еще пытался что-то сказать.

«Не трогай брата! – хотел прокричать он. – Ты же убил меня, не трогай его!».

Но из горла не вырывалось даже хрипа. Тело сотрясала предсмертная агония.

Маньяк повернулся к мальчику.

- Теперь твоя очередь, Робби. Тебя ведь так зовут?

Тот вжался в стену, в вытаращенных глазах стояли слезы.

- Братик, – прошептал он.

- Братик скоро умрет. А потом и ты. Встретитесь в раю и снова будете счастливы.

- Не трогай, – из последних сил просипел Оливер, дернувшись.

К его удивлению, веревки, стягивающие руки и ноги, поддались, и он упал на дно ванной. Не веря, уставился на собственную кровь, убегающую в сток.

Робби заревел в голос, и Оливер вскинул голову. Перед глазами стоял кровавый туман, но

он знал, что должен сделать.

Мужчина даже не смотрел в его сторону, полностью поглощенный страхом мальчика. Выбравшись из ванной, оставляя кровавые потеки на стене и полу, Оливер схватил нож, лежащий на крышке унитаза, и вонзил в спину незнакомца. Тот вскрикнул, изо рта хлынула кровь, забрызгав Робби. Оливер снова занес нож и ударил еще. И еще. И еще.

Оружие выпало из слабеющей руки. Парень пошатнулся.

- Робби... Робби, ты в порядке?

- Братик, – сквозь туман донесся до него голос мальчика. – Бра-а-атик, – и он заревел.

Оливер потрянул головой, и взгляд немного прояснился. Он с удивлением уставился на брата, который, рыдая, полз на коленях к ванной.

- Робби... Я же здесь...

Тот даже не взглянул на него. Схватившись за бортик, он приподнялся и снова зарыдал. Оливер же с изумлением смотрел, как перед ним, подвешенное за ноги, висит его собственное тело.

Шкатулка

Скрип... Скрежет крошечного механизма... Треньканье давно забытой мелодии.

Джон лежал в темноте с открытыми глазами. Уже которую ночь он не мог уснуть. А причиной всему – музыкальная шкатулка, которую сестре подарили на день рождения.

Маленькая коробочка с причудливо украшенной крышкой заводилась крохотным ключиком, прикрепленным к ней тонкой цепочкой. Стоило вставить его в едва заметное отверстие и повернуть, как тут же раздавался тихий скрип, затем запускались пружины, приходил в действие крохотный механизм. Крышка поднималась, и на свет выплывали две крошечные фигурки. Мужчина в черном костюме обнимал за талию миниатюрную красавицу в алом платье. И они начинали свой танец.

Сначала два круга по часовой стрелке... Два круга против... Затем пара распадалась, и каждый танцевал сам по себе. Дама кружилась на месте, в то время как кавалер вытанцовывал па вокруг нее. Затем снова оказывался рядом с ней, обнимал за талию, и дальше они плясали уже вместе. Два круга по часовой стрелке... Два против...

Шкатулка завораживала. Сестра запускала ее вновь и вновь, чтобы посмотреть на маленьких плясунов. И Джон с удивлением обнаружил, что не может оторвать от них взгляда. Тогда он просто рассмеялся и, сказав «Детские забавы», ушел в свою комнату.

И теперь каждую ночь просыпался от треньканья шкатулки.

В первую ночь он не обратил особого внимания – подумаешь, сестре захотелось поиграться. Лин мучила бессонница, и она утверждала, что ей спится лучше под тихую музыку. Но лязг, который он услышал во вторую ночь, никак нельзя было называть музыкой. Джон тогда осторожно встал и прошел к комнате сестры, чтобы посмотреть, что она там делает. Он обнаружил сестру спящей, а шкатулку закрытой. Пожав плечами и подумав, что, пока шел, завод кончился, он вернулся в постель.

Третья ночь оказалась самой ужасной из всех. Посреди ночи его разбудили странные звуки, будто кто-то скреб ногтями по металлу. Спросонья ему показалось, что в окно кто-то лезет, но, открыв раму, никого не обнаружил. А звук тем не менее продолжался.

Выйдя в коридор, Джон обнаружил, что он доносится из спальни сестры.

Его впервые охватил страх. На ум первым делом пришла шкатулка. Что, если дама с кавалером решили покинуть свое убежище и прогуляться по дому? Что, если они пытаются выйти из металлического плена шкатулки? Джон в ужасе ринулся обратно в свою комнату и зарылся в одеяло. Нет, это все лишь фантазия, убеждал он себя. Звук вполне могло издавать какое-нибудь мелкое животное вроде мыши... Убеждая себя, он вскоре уснул.

Утром за завтраком он набрался смелости и спросил сестру про шкатулку. Та ответила, что не заводила ее. Еще и посмеялась, сказав, что Джону надо смотреть поменьше ужастиков на ночь. Он психанул и выбежал из-за стола, за что мать посадила его под домашний арест.

Ночью он лежал в кровати и не мог уснуть. Ему все время мерещилось, что открывается дверь, и миниатюрная парочка в безумном вальсе влывает в его комнату. Красное платье дамы летает из стороны в сторону, вскидывая сноп пламени, тонкие каблучки выбивают искры из пола. Кавалер черной молнией несется напрямиком к кровати...

Джон в ужасе подскочил. Кажется, он все-таки уснул. Что за чушь может присниться...

Он потер глаза пальцами и вдруг замер.

Скрип... Скрежет... Трень... Трень-трень...

Шкатулка завелась.

С тихим щелчком приподнялась крышка.

Джон изумленно смотрел на прикроватную тумбочку, где танцоры появлялись из металлической коробочки. Как она попала сюда?

Крышка открылась уже наполовину. Повинуясь безотчетному порыву, Джон протянул руку и захлопнул ее. Изнутри что-то ударило в металл, заскрежетало, пытаясь выбраться. Джон схватил шкатулку и со всей силы сжал, пытаясь удержать нечто, рвущееся наружу.

Пара тихих ударов, и все стихло. Джон сидел на кровати, прижимая к себе шкатулку. По лбу катился пот, сердце колотилось так сильно, что, казалось, пробьет грудную клетку. Дыхание казалось таким громким, что он опасался, как бы не перебудить весь дом.

Ключ, торчащий в шкатулке, повернулся сам по себе.

Вскрикнув, Джон отшвырнул от себя механизм. Он ударился о стену и упал на бок. Танцоры показали из-под крышки и начали привычный танец. Разомкнув объятия, кавалер попытался покружиться вокруг дамы, но уперся головой в пол. Шкатулка подпрыгнула, издав тихий звон.

Джон вскочил с кровати, схватив шкатулку, открыл окно и швырнул ее как можно дальше. Дождавшись мягкого стука о землю, он без сил рухнул на кровать и закутался в одеяло. Сон практически сразу навалился на него, и мальчик проспал без сновидений до самого утра.

Утром он, выспавшийся и бодрый, спустился к завтраку. Сестра, как ни в чем не бывало, сидела за столом и болтала по телефону со подружкой. Похоже, пропажу шкатулки она не заметила, и Джон счел разумным не напоминать о ней. Проглотив завтрак, он поднялся к себе. Было воскресенье, светило солнце, но погулять не получится – домашний арест все еще был в силе. Хотя... Джон задумался. Для него это никогда не было проблемой. Уж сбежать через окно – плевое дело!

Джон, насвистывая, прошел мимо комнаты Лин и вдруг в ужасе замер. Ему показалось? Да нет, не могло! Но почему же так трудно развернуться и пройти два шага обратно, чтобы убедиться, что...

Злясь на себя, он вернулся к двери и застыл. На прикроватной тумбочке стояла шкатулка. Крышка была открыта, но мелодия не играла, и танцоры не кружились в вальсе. Их там попросту не было.

Джон отступил и налетел спиной на сестру.

- Ты что тут делаешь, Джонни? – накинулась она на него. – Кто тебе разрешил соваться в мою комнату?

- Лин... Твоя шкатулка...

- Что с ней не так?

- Но ее не должно тут быть! – в отчаянии выкрикнул он. – Я вчера выкинул ее в окно!

Глаза сестры расширились.

- Ты... Что ты сделал? Ма-а-ам!

- Да не кричи ты! – Джон спохватился, но было поздно, Лин отвесила ему подзатыльник.

- Сколько раз я говорила тебе не заходить в мою комнату и не трогать мои вещи?!

- Я... Я не трогал! Шкатулка была у меня в спальне, и...

- Заткнись!! – Лин захлопнула дверь у него перед носом.

«Сейчас, сейчас она взглянет на шкатулку, а если крышка закрыта, то заведет ее, и все поймет, потому что танцоров нет, они сбежали, как трусливые крысы, затаились и ждут подходящего момента, чтобы вцепиться ей в ноги, грызть ее кожу своими маленькими, но острыми зубками...».

Джон вздрогнул от музыки, вдруг полившей из-за двери. Шкатулка работала. Но возмущенного или испуганного крика сестры он не услышал. Значит, маленькие разбойники

были на своем месте. Но не могло же ему показаться!

Ночью он снова не мог уснуть. Ему мерещился то скрип, то уже навязшая в зубах мелодия. То стук маленьких каблучков раздавался в коридоре...

Джон сел на кровати, вслушиваясь. Последнее ему точно не послышалось, из-за двери доносился четкий топот маленьких ног!

Дверь медленно приоткрылась, и мальчик в ужасе замер.

Первой вплыла танцовщица, робко, будто танцевала впервые в жизни. Комната Джона оказалась ее дебютной сценой, и она ступала по ней плавно, боясь неверных движений. Платье волочилось по полу, юбка больше не была воздушной – ее будто намочили. Шлейф оставлял длинный темный след на деревянном полу.

Кавалер вошел следом, слегка пошатываясь. Но едва переступил порог – и усталость словно рукой сняло, он подбежал к партнерше и заключил ее в объятия. Снова послышалась музыка, и он крутанул девушку в замысловатом пируэте. Юбка взметнулась, и крохотные красные капельки брызнули в лицо Джона.

Громкий крик огласил комнату, Джон соскочил с кровати и схватил проклятых кукол.

- Убийцы!! Заорал он. – Вы убили мою сестру, так?! Где вы прячете ножи?! Где?! – он ветел их так и сяк, пытаясь найти оружие, которым эти мелкие твари покромсали Лин, но не находил.

Кавалер загадочно улыбался даже тогда, когда Джон швырнул его на пол и начал топтать. Дама улыбалась не хуже голливудской актрисы, несмотря на то, что первый удар Джона оторвал ей руку. Платье чавкало, когда его касалась голая пятка мальчика.

- Убью вас, проклятые твари, – шипел он, не прекращая топтать ненавистных танцоров.

- Что случилось? – мама обеспокоенно приоткрыла дверь спальни. Из-за ее спины выглядывала Лин.

- Ничего, мамочка, – Джон безумно улыбался, отрывая голову кавалеру. На руках блестела кровь от многочисленных порезов – обломки оказались очень острыми. – Я просто потанцевал на них, вот и все. Всего лишь потанцевал.

Страница книги Одержимые в интернете